

И. БАДАЛИЧ

О югославских переводах «Слова о полку Игореве» (по случаю 125-летия первого югославского перевода «Слова»)¹

Интерес югославских переводчиков к известному древнерусскому произведению «Слово о полку Игореве» насчитывает ровно 125 лет: с 1842 г., когда Йован Хаджич под псевдонимом Милош Светич печатает свой свободный перевод этого произведения с русского текста (перевода) Михаила Максимовича (Киев, 1837 г.) десятисложным стихом югославской народной песни, и до нашего десятилетия, когда и современные македонцы начинают переводить «Слово» свободным стихом (Т. Димитровски, Скопле, 1960 г.). За этот период в 125 лет появился десяток югославских переводчиков (сербских, хорватских, словенских, македонских), пробовавших свое поэтическое и переводческое искусство в разных прозаических и стихотворных формах: от народного десятисложного стиха (Й. Хаджич, П. Петрович-Негош) и хореического восьмисложного (Д. Медич, И. С. Шайкович) до свободного ритмического стиха (М. Панич-Суреп, Т. Димитровски), от нормативной до стилизованной и ритмичной прозы (О. Утешенович-Острожинский, М. Плетершник, Р. Нахтигал, Й. Бадалич).

Остановимся вкратце на переводах «Слова», и только с точки зрения их формально-поэтических особенностей.

Первый югославский перевод «Слова», осуществленный в 1842 г., опубликован в Собрании сочинений сербского поэта того времени Йована Хаджича (1799—1869), который писал тогда под псевдонимом Милош Светич.² Его перевод «Слова» в стиле югославской народной песни, с употреблением народного десяти- и двенадцатисложного стиха, является очень свободным. К такому переводу, изобилующему поэтическими вольностями, югославского переводчика в немалой степени побудили русские переводы «Слова», в большинстве своем созданные в народном стиле. Причиной этого явилось убеждение, что «Слово» — народное поэтическое произведение и поэтому для его адекватной передачи на иной язык лучше всего использовать народный стих. Такого мнения придерживались и некоторые ранние югославские переводчики: прежде всего упомянутый Йован Хаджич (Милош Светич), а позднее переводчик небольших отдельных глав «Слова», известный черногорский поэт Петр Петрович-Негош.³ Поэтическое содержание «Слова», как народного литературного произведения,

¹ Перевод с сербохорватского О. И. Трофимкиной. (Ред.).

² Писма о полку Игоревом. С рускога или старога државно библијскога превео Светић. — В кн.: Голубица са цветом књижевства србскога, IV. Београд, 1842, стр. 148—178. В новом, исправленном издании см.: Дѣла Јована Хаджића, кн. II. Ср. Карловици, 1858, стр. 212—246.

³ Целокупна дела Петра Петровића Негоша, кн. II. Београд, 1953.

могло в таком классическом эпическом выражении, как считали, лучше всего сохранить свою исконную фактуру, свои фольклорные и повествовательные элементы.

Чтобы наглядно показать — хотя и очень кратко — формально-технический подход отдельных югославских переводчиков «Слова» в течение прошедших 125 лет, мы приведем начальные строки плача Ярославны в переводах самых ранних югославских переводчиков — Й. Хаджича и П. Петровича-Негоша (размером народных песен — десяти- и двенадцатисложным).

Вот как переводит эти строки первый югославский переводчик Йован Хаджич:

Ярославна плаче у Путивлю,
Рано плаче, бедемом нариче:
«О вѣтре, вѣтрило, зашто силно вѣшь?»
Зашто носиш стрѣле ты оне Хиновскс,
На твоём лагом крылцу на мог драгог войску?
Зарь е мало горе под облаке вѣяти,
Люляюћи ладе на синсму мору?
Зашто мое вселѣ по ковилю развѣя?»⁴

Это место приблизительно в то же время переводит и известный черногорский поэт П. Петрович-Негош (1813—1851), причем также десятисложным народным размером:

Ярославна:

Опет рано цвилу у Путивљу,
на високом окну без билоура,
встар зове и нему се моли:
«Нашто душеш, нашто лутс стрѣле
од крѣника на крилма своим
носиш против господара мога?
Зар ти мало да облаке крећеш
и високе врхове савијаш?
Зар ти мало што море узбуниш
и по њсму кораб лаки бачаш,
већ ми душу ковиљем развијаш?»⁵

Однако эти первые югославские переводы, в духе устаревшей славяно-сербской традиции, мало кого могли удовлетворить. Для лучшего знакомства со «Словом» нужен был точный прозаический перевод памятника, который соответствовал бы уровню развития поэтического языка, пережившего исторический подъем в результате деятельности В. Караджича. И действительно, эту потребность относительно быстро удовлетворили два югославских переводчика: на хорватско-сербской почве «иллирийский» писатель Огнеслав Утешенович-Острожинский и на словенской — известный лексикограф Макс Плетершник. Новым югославским прозаическим переводам пришлось встретиться со многими трудностями вследствие недостаточной разработанности тогдашнего литературного и особенно поэтического языка; однако прозаическая форма все-таки позволила более точно передать текст памятника. Вот как перевел Утешенович прозой цитированное выше место:

О вѣтре, вѣтрило! Чему, господине, насильно вијеш? Чему гониш хунске стрѣле на својем нетрудном крылцу на мојега драгога войска? Мало ли ти бијаше горе под облаци вијати, лелилајући корабе по сињем мору? Чему, господине, моје весеље на ковиљу развијаш?⁶

⁴ Дѣла Јована Хаджића, кн. II, стр. 233.

⁵ Целокупна дела Петра Петровића Његоша, кн. II, стр. 379.

⁶ Слово о пуку Игореву, Игоря сына Светославова, унука Ольгова. Превео Огнеслав Утешеновић-Острожински. Vila Ostrožinska, Већ, 1871, стр. 216—231. Как ра-

Прозаический перевод «Слова», сделанный Утешеновичем, был благоприятно воспринят литературной критикой своего времени, потому что еще сто лет назад в хорватской науке и литературе перевод в прозе был оценен как предпосылка верного перевода «Слова».

Почти одновременно с прозаическим переводом Утешеновича выходит и стихотворное переложение Медича. И это обстоятельство использует Йосип Мишкатович — критик «Виенца» и плодовитый переводчик с русского языка на хорватский, — чтобы изложить свое краткое, но принципиальное мнение о возможности точного перевода «Слова» прозой.⁷ По его словам, Утешенович стремится быть в переводе как можно более точным, поэтому и переводит поэму прозой, сохраняя, где только может, те же слова и тот же порядок слов. У Медича были перед глазами версифицированные русские переводы, поэтому и сам он выбрал Гундуличевскую строфу, чтобы в этой форме представить нам «Слово».

В эти же годы известным словенским лексикографом Максом Плетершником (1840—1923) подготовлен и первый словенский перевод памятника. Этот прозаический перевод, сделанный целых сто лет назад, остается вплоть до перевода Нахтигала единственным словенским переводом. Отдельные шероховатости в переводе Плетершника обусловлены в большой мере тогдашней текстологической неисследованностью самого «Слова». Вот как переводил Плетершник цитированное место:

Jaroslavna rano žaluje v Putivli na obzidji, rekoč: «O veter, vetrič moj! Zakaj, gospod, silno veješ? Zakaj nosiš hinovske puščice na svojih lahkih perotah nad vojsko mojega moža? Ni ti li bilo dosti, gori pod oblaki veti in zibati ladije na sinjem morju? Zakaj si, gospod, razpihal moje veselje po kovilju?..».⁸

Другой словенский перевод «Слова», сделанный Нахтигалем, во многом опирается на перевод его земляка М. Плетершника, как это можно заметить и по краткой цитате из Нахтигалевого перевода того же отрывка «Слова»:

Jaroslavna rano plače v Putivlju na obzidju, rekoč: «O veter, vetrič! Čemu, gospod, nasilno veješ? Čemu siplješ hinovske strelice na svojih lahkih perutih na mojega moža vojlike? Ali ti je bilo malo gori pod oblaki veti, libajoč ladje na sinjem morju? Čemu, gospod, si moje veselje po kovilju razpihal?».⁹

Все же ни только что цитировавшиеся прозаические югославские переводы Утешеновича и Плетершника, ни более ранние стихотворные (Хаджича и Негоша) не могли убедить сербских переводчиков в преимуществах прозаического перевода «Слова». Отсюда и дальнейшие попытки сербских переводчиков в течение XIX и XX вв. обогатить свою литературу новыми переводами «Слова» размером (метром) югославской народной песни — восьми-, десяти- и двенадцатисложным стихом. Появляются известные переводы хорейским восьмисложным стихом; это прежде всего уже

ботал Утешенович-Острожинский над своим переводом «Слова», видно из воспоминаний его современника, хорватского писателя Ивана Перковца: «Перевод „Слова о полку Игореве“ обсуждался тремя литераторами — П. Прерадовичем, О. Утешеновичем и мною. Первый из нас имел перед собой хорватский перевод, второй — русский текст, третий — чешский перевод, так что мы слово за словом сравнивали и поправляли» (I. Petkovaс. *Crnice iz bojnog odsjeka*. Zagreb, 1869).

⁷ J. (Йосип Мишкатович). *Slovo o polku Iгореvom, ili pjesma o Iгореvoj; četi prev. i objasnio Danilo Medić. U Petrogradu, 1870. Ср.: Vijenac, III, № 6, Zagreb, 1871, стр. 96.*

⁸ M. Pletersnik. *Slovo o polku Igorjeve. Iz staroruskega poslovenil i razložil M. Pletersnik. V Celovcu, 1866, стр. 21.*

⁹ Staroruski ep Slovo o polku Iгореve. *Izd. Slov. Akademja. Prev. Rajko Nahtigal Ljubljana, 1954, стр. 55.*

упоминавшийся перевод, или, точнее, переложение («*prerjev*»), Данила Медича (1844—1879)¹⁰ и подобное же переложение Ивана С. Шайковича.¹¹

Восьмисложный стих Медича звучит так:

— Još s istoka rujna zora
Ne pokaza svoje lice,
A zaplaka Jaroslavna
Poput sinje kukavice.¹²

Подобно Медичу, Иван С. Шайкович в своем переводе также использует хорейский восьмисложный стих. Нельзя отрицать поэтичности переложения Шайковича (в 1082 стихах), как и более раннего перевода Медича (840 стихов), но именно это их неумеренное поэтическое вдохновение, родственное по своему эмоциональному характеру свободному выражению и певучести югославской народной поэзии, увело их переводы далеко от оригинала и лишило критичности, из-за чего их поэтические опыты можно рассматривать лишь как переложения («*prerjev*»).

Вот как плачет Ярославна в восьмисложных хорейских стихах Шайковича:

Ярославна плаче, тужи
Од расвитка дана бела
У Путивљу на стенама,
Наричући, изричући:
«Ветре, ветре, господару,
Зашто тако силно дуваш?
Зашто твоја лака крила
Подбацују панске стреле
На витезе војна мога?
Зар је теби мало, ветре,
Што крилима силним машеш
У висини подблагно
И што њима подбацујеш
По сињему мору лађе?
Зашто, зашто, господару,
Моју радост ти расеја
По ковиљу на све стране?»¹³

Последним этапом в работе югославов над переводом «Слова» является новейший перевод, в котором отразились научные результаты ритмологических исследований памятника. На основе концепций, оформившихся в советской науке нашего времени, выполнены два перевода, в которых по русско-советскому образцу сделана попытка передать ритмическую фактуру «Слова». Здесь прежде всего следует назвать сербский перевод М. Панича-Сурепа,¹⁴ а затем македонский перевод Тодора Димитровского.¹⁵

М. Панич-Суреп переводит начало плача Ярославны свободным ритмическим стихом:

Ветре, ветре!
Зашто ветре, господине, супрот вејеш?
Што наносиш хинске стреле
крилма лаким
на мог милог војна војску?

¹⁰ Слово о полку Игоревом или пјесма о Игоревој чети. Прев. Данило Медић. СПб., 1870.

¹¹ Песма о војевању Игорову. Прев. Иван С. Шайковић. Нови Сад, 1930.

¹² Слово о полку Игоревом... Прев. Данило Медић, стр. 28.

¹³ Песма о војевању Игорову. Прев. Иван С. Шайковић, стр. 45.

¹⁴ Слово о полку Игорову. Прев. М. Панић-Суреп. Београд, 1957.

¹⁵ Слово на походот Игорев. Перев. Тодор Димитровски. Скопје, 1960.

Зар ти мало беше, вјетре, вејат горе, облацима,
и лулаци лађе морем?
Зашто, вјетре, господине, радост моју
по ковиљу ти развеја?¹⁶

В метрическом отношении, как видно из этого фрагмента, преобладает хорей как метрико-ритмическая единица, и он поэтому формирует и ритмическую линию — как отдельных «ритмических единиц» текста, так и всего «Слова» как художественного целого. Этот размер (трохейский восьмисложный стих, т. е. четырехстопный хорей) лежит в основе нашего, югославского литературного фольклора, он использован и в приведенных восьмисложных переводах (соответственно — переложениях) «Слова» (Медич, Шайкович); понятно, что этот хорей не кажется нам неестественным при переводе «Слова» на наш язык.

Ритмика оригинала и перевода, естественно, не всегда совпадает: структурно-акцентологические различия языка оригинала и языка перевода довольно часто препятствуют тому, чтобы при сохранении лексического тождества в переводе сохранялась и эвфоническая эквивалентность оригиналу. Так, например, Панич-Суреп сжимает в своем переводе плач Ярославны с шести слогов:

О вѣтре, вѣтрило!

до двух хорейских стоп (четыре слога):

Ветре, ветре!

меняя этим количественное содержание «ритмической единицы». Однако такой поступок не только понятен, но часто и неизбежен в подобных сложных переводах с «музыкально-ритмическим аккомпанементом». В этом отношении мне кажется более тщательным, а потому и ритмически более верным македонский перевод Тодора Димитровского, который переводит, например, то же самое место плача Ярославны следующими «ритмическими единицами»:

Јарославна рано плаче
на бедемот по Путивљ и си тажи:
— О вјетре, вјетре ле!
Зошто, вјетре, господине, спротив веш?
Чуму носиш хински стрели
на крилца свои леки
спроти воините од мојот мил?
Малку ли ти беше под облаци горе да веш,
на сино море кораби да лулаш?
Зошто, вјетре, господине, радост моја
по ковилаје ти развеја?¹⁷

В конце статьи упомяну о своем переводе, который является первым хорватским переводом «Слова».¹⁸ Зная потребность хорватской славистики в точном переводе «Слова» на хорватский язык, я решился на прозаический перевод памятника, чтобы и текстологически остаться как можно ближе к оригиналу. Для того чтобы в какой-то мере нашли свое выражение и определенные внутренние (скрытые) поэтические красоты «Слова», содержащиеся в существующей или предполагаемой ритмической фактуре поэтической речи «Слова», я стремился передать их с помощью стилизованного и несколько архаизированного слога (с употреблением лексиче-

¹⁶ Слово о полку Игореву. Прев. М. Панић-Суреп, стр. 77.

¹⁷ Слово на походот Игорев. Прев. Тодор Димитровски, стр. 38—39.

¹⁸ Spjev o vojevanju Igorovu, Igora, sina Svjatoslavova, unuka Olegova. Preveo Josip Badalič. Ljubljana, 1957 (Slavistička revija, let. 10), стр. 217—229.

ских и синтаксических архаизмов и поэтическим воскрешением аориста и имперфекта). См., например:

Jaroslavna rano plače u Putivlju na bedemu, govoreći: «Oj vjetre, vjetrinol Ćemu, gospodaru, nemilosrdno pušeš? Zašto sipaš, lakokrilče, hinovske strjelice na mojega vojna čete? Malo li ti bijaše gore pod oblacima zavijati, ljuljajući ladje po sinjemu moru? Ćemu, gospodaru, moju radost po kovilju razasu?».

В заключение еще несколько слов о графическо-технической передаче оригинального и переводного текста «Слова». Если учесть, что первоначальная, оригинальная форма «Слова» прозаическая, невзирая на его ритмический склад, то аутентичный перевод его также должен быть прозаическим. Последовательность, неразрывность письменной речи в ее естественном и связном потоке также говорит против раздробления связанных фраз на части, расщепленные версификацией.

Вот что получилось, например, в результате версификаторского раздробления фразы в самом начале плача Ярославны, когда из связной и цельной формы:

Jaroslavna zorom plače u Putivlju na bedemu, tužeći se...

переводчик сделал так называемое свободное двустишие:

Jaroslavna zorom plače
u Putivlju na bedemu, tužeći se...

Неуместное расчленение на стихи нарушает связное чтение и художественное осмысление прозаического целого. А такие нарушения в подобных «хирургических» вмешательствах практически неизбежны. Насколько же более чутким оказалось в этом вопросе хорватское литературоведение, когда уже сто лет назад (ср. упоминавшуюся выше статью Мишкатовича в «Виенце» за 1871 г.) предпочло прозаический точный перевод «Слова»!

Это обстоятельство и побудило нас к осуществлению первого хорватского перевода «Слова» прозой.